

Пролог

Девушка показалась из темноты внезапно, будто не выбежала на дорогу, а появилась на ней из ниоткуда. Игорь надавил на тормоз, колеса завизжали, машина заскользила боком по гладкому асфальту, но остановилась. Не зря он отдал за нее такие деньжищи, ох, не зря! Дрожащими руками отстегнув ремень безопасности, Игорь буквально вывалился из салона и бросился к девушке. Ему хотелось одновременно убедиться, что с ней все в порядке, и заорать на нее что есть силы. Это ж надо быть такой душой, чтобы выбежать на дорогу ночью перед самым автомобилем!

Девушка оказалась в порядке. Так и стояла среди дороги, дрожа от ужаса. Еще бы ей не дрожать, когда несколько тонн металла только что пролетели мимо нее, едва не задев! Просто чудом не задев!

— Вы в порядке?! — спросил Игорь, подбегая к ней. Только приблизившись, он увидел у ног девушки огромную собаку, не меньше метра в холке, черную, как сама ночь. Собственно, потому раньше и не разглядел, что животное просто сливалось с темнотой. Сама девушка тоже была одета в черную футболку и такого же цвета джинсы, черт его знает, как Игорь вообще ее заметил! Стоило только ему при-

близиться, как собака тут же зарычала, угрожающе обнажив острые зубы. Игорь остановился. Собак он не боялся, но быть покусанным все равно не хотелось. Девушка погладила монстра по голове, и тот перестал рычать, но зубы все равно демонстрировал. Просто на всякий случай. Игорь предупредению внял, остановился. Адреналин растворился в крови, забрав с собой и желание орать, поэтому сказал он уже почти спокойно:

— В сторону отойди, а то другой водитель может среагировать не так хорошо.

Девушка послушно отошла к краю дороги. Она по-прежнему молчала, псина ее молчала тоже, но черными глазницами угрожающе тарасилась на Игоря. Девчонке на вид было лет двадцать, едва ли больше. Теперь, когда Игорь мог разглядеть ее лучше, он заметил, что она совсем молоденькая. Угловатые плечи обтянуты тонкой хлопковой футболкой, выдающей заодно почти полное отсутствие груди, джинсы точно так же сильно обтягивали ножки-спички. Пожалуй, самым красивым у девчушки могли бы быть длинные темные волосы, если бы только она не забывала их мыть. Те грязными паклями свисали вдоль бледного лица, скрывая его черты. Большие глаза казались запавшими, под ними залегли темные тени, тонкие губы сжаты в упрямую полоску. А псина у нее мощная, на дога похожа. Игорь не сильно разбирался в собаках, может, это дог и есть. Одно ясно: если этот монстр вздумает напасть на человека, девчушка его точно не удержит.

— Ты как здесь оказалась? — спросил Игорь.

Девушка только бросила на него взгляд исподлобья, ничего не ответила, зато собака зычно гавкнула.

Игорь посмотрел на нее, потом снова на девушку. Этот участок дороги довольно пустынен, до ближайшего населенного пункта километров пять. Если через лес, то три, но кому придет в голову идти ночью через лес? Как она здесь оказалась вообще? На съездину обочин, как называет дорожных проститутки один знакомый дальнбойщик, она тоже не похожа, да и те не ходят «на работу» с собаками. — Тебе в город надо? — задал еще один вопрос Игорь, и девушка наконец кивнула.

Ну, хоть слышит! А то он уже начал подозревать, что она глухонемая.

— Садись. — Игорь кивнул на свой автомобиль, стоящий впереди и мигающий аварийными сигналами. — Не бойся, не обижу. Но бродить тебе здесь ночью не стоит.

Сажать на светлые кожаные сиденья псину с наверняка грязными лапами Игорю не хотелось, но и оставлять тут девушку он не видел возможности. Она была чуть старше его дочери, и он бы точно не хотел, чтобы Ирка оказалась одна на дороге среди ночи. Впрочем, он не хотел бы, чтобы она и в машину к незнакомцам садилась, но в собственных добрых намерениях был уверен. Девушка и псина забрались на заднее сиденье огромного внедорожника, Игорь сел за руль, бросив еще один взгляд на незнакомку в зеркало заднего вида. В салоне еще не погас свет, и теперь Игорь видел, что у девушки потрепанный вид. То, что он принял за тени под глазами, оказалось синяками, огромный кровоподтек виднелся и на скуле, а на подбородке — уже заживающая ссадина. Похоже, девушку систематически избивают. Игорь машинально сжал кулаки, снова представив на месте

незнакомки дочь, и подумал, что оторвал бы голову тому, кто сделал бы с ней такое.

— Может, тебе помощь нужна? — спросил он, но девушка лишь бросила на него недоуменный взгляд, снова промолчав. — В больницу отвезти? Или к подруге какой?

Незнакомка качнула головой и повернулась к окну. Ну, не хочет говорить, и ладно. Он ей не мама и не психотерапевт. Один раз предложил — отказалась, настаивать не станет. О чем вообще с ней разговаривать, Игорь не знал, поэтому включил погромче музыку. До города оставалось километров двадцать пять, долетят быстро. Высадит ее на ближайшей остановке. На дворе ночь, транспорт не ходит, но что иначе с ней делать, если она не говорит, куда ей надо? Не к себе же везти, в самом деле. Не хватало еще, чтобы Верке потом соседи рассказали, как в ее отсутствие муженек домой юных девиц приводит! Верка разбираться не станет, вещи соберет — и только он ее и видел! Так рисковать ради незнакомой девицы Игорь не собирался.

Девица против музыки не возражала, таращилась в темноту за окном да поглаживала голову пса, уснувшего у нее на руках. Игорь периодически бросал на обоих взгляд в зеркало заднего вида, а сам раздумывал, что все-таки с ними делать. Может, в полицию отвезти? Пусть заявление пишет на того, кто ее избил. Ведь не просто же так она ночью на дороге оказалась, наверняка из дома сбежала. Впрочем, не хватало еще, чтобы менты его задержали, решив, что это он ее... В конце концов Игорь остановился на том, что просто даст ей немного денег на такси, а там уж пусть сама решает, куда ей надо. Как-никак, а он ее чуть не

сбил. Сама виновата была бы, конечно, но жизнь себе он бы испортил. Так что, можно считать, откупается.

Решив таким образом, Игорь снова взглянул в зеркало и ошарашенно замер: на заднем сиденье никого не было. Нога сама собой выжала педаль тормоза, машина снова ушла в юз и остановилась. Благо на дороге по-прежнему никого не было, хотя он уже въехал в город. Отстегнув ремень безопасности, Игорь всем корпусом повернулся назад. Может, девочка потеряла сознание и упала на пол? В глубине души он понимал, что такого быть не может, она ведь была пристегнута, да и пес наверняка залаял бы, но не признавать же, что оба его пассажира исчезли из запятого автомобиля, несущегося на скорости больше ста километров в час!

Тем не менее сзади было пусто. Игорь вышел из машины, открыл обе задние дверцы, даже в багажник заглянул. Ни девицы, ни псины.

Ну он же не идиот! Ему же не могло все это показаться! Он не пьет, ничего не принимает, даже не курит, ведет здоровый образ жизни, у него не бывает галлюцинаций! И выпасть из машины девица на ходу не могла. Даже если бы он не услышал, машина просигнализировала бы, что дверь открылась! Игорь устало потер лоб и прислонился спиной к автомобилю. Ноги почему-то стали ватными, а сердце забилося так, будто он только что пробежал кросс. Что за чертовщина вообще?

Сзади послышался шум второго автомобиля, а затем и мужской голос:

— Эй, братан, у тебя все нормально?

Игорь повернул голову. Рядом притормозил большой черный джип, из которого выглядывал бритый

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

детина. Смотрел встревоженно, будто действительно переживал.

— Нормально все, — кивнул ему Игорь. — Подышать вышел.

— Ты б лучше среди дороги не дышал-то! — посоветовал детина, закрывая окно.

Игорь пробормотал что-то в ответ, но в машину вернулся, снова с опаской оглядев салон. Девушка и собака исчезли так же внезапно, как и появились, не оставив после себя никак следов.

Глава 1

Если бы в дверь ее квартиры позвонил папа римский, Яна удивилась бы меньше. Хотя спектр эмоций, испытываемых ею сейчас, едва ли можно было охарактеризовать простым словом «удивление». Яна была ошарашена, растеряна и — что уж тут скрывать — здорово напугана! А отец Никиты тем временем закрыл за собой дверь, медленно огляделся по сторонам, словно проверял, здесь Никита или нет. Яна же почему-то была уверена, что он знает: сына здесь нет. Иначе не пришел бы. Впрочем, каким образом и почему он вообще пришел, она не могла даже предположить.

Отец Никиты Кремнева последние двадцать лет провел в психиатрической больнице. Первые десять — в закрытой государственной, вторые — в частной. Наверное, из второй вполне можно было сбежать при желании, но, судя по рассказам Никиты, его отец такое желание едва ли испытывал. Все эти годы он успешно делал вид, что никого не узнает и не помнит, как однажды ночью зарезал жену и оставил сиротами троих детей, младшему из которых не исполнилось и года. И вот он на пороге Яниной квартиры. Более того, отдает себе отчет, куда и

к кому пришел, поскольку назвал ее по имени и сказал, что она знакома с его сыном. Это пугало Яну больше всего. Даже если предположить, что Никита рассказывал отцу о ней, то уж точно не называл ее адрес. Так как Кремнев-старший его узнал? И зачем пришел?

— Никиты здесь нет, — пролепетала она, судорожно думая, что делать.

Она уже допятилась до полки, на которой лежала тревожная кнопка, но что-то останавливало ее от того, чтобы нажать. Нажмет — и через несколько минут в ее квартиру ворвутся полицейские, дежурившие внизу у подъезда. Кремнева увезут обратно в клинику, и она уже не узнает, зачем он приходил. А ведь он явился не просто так! И у Яны есть всего один шанс выяснить, что ему нужно.

— Я знаю, — с трудом ворочая языком, ответил незванный гость. — Я пришел к вам.

Может быть, все эти двадцать лет он и притворялся нездоровым, но совершенно точно вел уединенный образ жизни и почти ни с кем не разговаривал: сейчас слова давались ему с заметным трудом, будто он почти разучился говорить.

Яна все-таки нащупала за спиной тревожную кнопку, сжала в кулаке. Сразу стало легче. Он даже смогла убрать из взгляда затравленность и выпрямить плечи.

— Проходите, — указала на дверь единственной комнаты. — Может быть, хотите чаю?

Кремнев едва заметно мотнул головой, отказываясь, но в комнату прошел. Яна заметила, что он сильно хромотает, и успокоилась окончательно. Он не причинит ей вреда, просто не сможет. Если она нажмет

кнопку, полицейские прибегут сюда раньше, чем он успеет подойти. Кремнев сел в старое кресло, Яна же опустила на краешек компьютерного стула.

— Честно говоря, не представляю, зачем я вам понадобилась, — призналась она.

По его губам скользнула едва заметная усмешка, и в этот момент он стал очень похож на своего сына. Они и так были похожи, только темные волосы Кремнева-старшего заметно тронула седина, черты лица, правильные и строгие у Никиты, уже поплыли у его отца, сгладились морщинами, ореховые глаза потускнели, а уголки губ опустились вниз. Но легкая усмешка будто стерла различия, и теперь даже если бы Яна не знала, кто перед ней, догадалась бы.

— Никита говорил, что у вас есть браслет и медальон, — медленно проговорил Кремнев.

Яна даже отшатнулась, кровь отлила от лица, сделав и без того бледную кожу совсем прозрачной. Значит, вот что ему нужно? Ее браслет и медальон?

— Да, — тем не менее призналась она.

— И вы понимаете, что это значит?

— Если вы о демоне, то да.

Кремнев смотрел на нее внимательно, будто пытался понять, действительно ли она отдает себе отчет в том, *что* хранит дома.

— Тогда вы должны понимать и то, что от них следует избавиться как можно скорее, — добавил он.

Яна удивленно приподняла брови.

— И вы знаете способ, как это сделать? — Кремнев не ответил, поэтому Яна продолжила: — Мы считаем, что нужно загадать демону желание и отдать браслет и медальон кому-то другому, но, во-первых, не уверены, что понимаем все правильно, а во-вторых, это

все равно что отдать другому бомбу. Ведь если человек отнесется халатно к предупреждению и разрешит кому-то надеть браслет или медальон, демон убьет обоих. Пока украшения хранятся у меня, я могу быть уверена, что их никто не разделит и демон не причинит никому вреда. Если же вы думаете, что я буду без конца загадывать какие-то желания, то могу заверить, что это не так.

Кремнев снова криво усмехнулся, но на этот раз в его усмешке не было ничего от Никиты. Это была страшная улыбка. Улыбка человека, знающего немного больше, чем остальные. У Яны холодок пробежал по телу еще до того, как он заговорил.

— Вы недооцениваете демона. Или же в силу возраста слишком самоуверенны и думаете, что сможете противостоять соблазну, но вы ошибаетесь. Поверьте, даже люди намного взрослее и опытнее вас проявляли слабость, когда вдруг оказывалось, что прибегнуть к услугам демона гораздо проще, чем смириться с происходящим.

— Это вы сейчас о Даше?

Кремнев снова посмотрел на нее.

— Вижу, Никита действительно многое вам рассказывает, — заключил он, а Яна задалась вопросом, откуда вообще ему известно о жизни Никиты, о ней самой известно. Ведь если судить по рассказам Никиты, отец не интересуется его делами, ни о чем не спрашивает. А сейчас он ведет себя так, словно на досуге они со старшим сыном обсуждают его жизнь. — Вы правы, я о Даше.

— Расскажите, что тогда случилось, — попросила Яна. Ей показалось, что Кремнев готов поделиться воспоминаниями. И оказалась права.

— Даша умерла внезапно, — начал он, глядя в темноту за окном. — Тая, моя жена, встала к ней ночью и обнаружила, что девочка не дышит. — Кремнев замолчал, закрыл глаза. Должно быть, даже сейчас, спустя двадцать лет, ему было больно и страшно вспоминать ту ночь. — Естественно, мы тут же вызвали «Скорую», но Даше уже нельзя было помочь. Тело забрали, Таю накачали успокоительным. Мальчишек я увел к соседке, потом их забрала моя сестра. Они не были на похоронах. Женя даже не понимал, что произошло, Никита, конечно, все знал, ему было уже девять. В таком возрасте ничего не скроешь.

— Что случилось с Дашей? — охрипшим от волнения голосом спросила Яна.

Кремнев пожал плечами.

— Судмедэксперт не смог установить причину смерти. В заключении написали «Синдром внезапной детской смертности». Сказали, так бывает, никто в этом не виноват и предотвратить было невозможно. Это случается даже в самых благополучных семьях даже с самыми здоровыми детьми. Так на самом деле легко говорить, когда это не твой ребенок. — Кремнев замолчал, и Яна тоже не знала, что сказать. Да и что тут можно сказать? Да, дети порой умирают, про этот синдром Яна даже что-то слышала, но собеседник прав: понять весь ужас могут только те, кого он коснулся.

— И вы загадали демону желание, чтобы он вернул Дашу. — Яна не спрашивала, она и так это знала. Гораздо сильнее ее волновал другой вопрос: — Откуда вы узнали о комплекте?

— Это не я, а Тая, — пояснил Кремнев. — Смерть Даши она переживала очень тяжело. Даже не хотела

забирать мальчишек домой, они целый месяц прожили у моей сестры, Никита пропускал школу. Но Тая не хотела, чтобы они были дома. Целыми днями она сидела возле Дашиной кровати. Я не выдержал и увез кроватку и все вещи. Может быть, это было неправильно, но я не мог на это смотреть. Тогда Тая ушла. Я вернулся с работы, а ее нет. Нашел спустя четыре дня в какой-то квартире. Хозяйка называла ее кризисным центром. Таю я оттуда забрал, она не сильно сопротивлялась, но теперь к ней постоянно начала приходиться какая-то подружка. Я ничего не мог сделать, я ходил на работу. Не запирайте же жену в квартире. А когда приходил, эта Ника всегда сидела у нас на кухне. Тая повеселела, даже разрешила вернуть домой мальчишек, и я сдался, не стал противиться дружбе с Никой. Однажды, когда я вернулся особенно поздно, дети уже спали. Тая и Ника привычно сидели на кухне, но быстро распрощались после моего появления. Тогда-то Тая с горящими глазами и показала мне украшения. Ей их принесла Ника. Сказала, что если надеть комплект и загадать желание, то оно сбудется. Я сразу понял, на что она намекает, и подумал, что на фоне случившегося Тая все-таки сошла с ума. Наверное, опять повел себя неправильно, как и с вещами Даши, надо было отвести ее к психологу, но я начал убеждать ее, что никакие украшения не вернут нам дочь. Тая разрыдалась, проснулся Никита. Пришлось укладывать его, а когда я снова вышел из детской, Тая уже стояла у окна, с украшениями на теле и горящими глазами. Сказала, что загадала желание. Я сорвал с нее комплект, велел идти спать. Она даже не стала скандалить, будто ей было уже все равно, главное она сделала.

— А что было потом? — снова шепотом спросила Яна, когда Кремнев замолчал.

— Утром я проснулся будто в другой реальности. Меня разбудил детский плач, Тая тут же подорвалась и побежала к окну, где у нас всегда стояла Дашина кровать. И, к своему ужасу, я обнаружил, что она снова там, будто я не увозил ее. — Отец Никиты вдруг прижал пальцы к вискам и зажмурился. Яне казалось, что к тем воспоминаниям он не возвращался много лет, а сейчас вместе с ней будто заново все переживает. — У всех словно стерло память, — продолжил он, так и не убирая рук от головы и не открывая глаз. — Никто не помнил, что Даша умерла. Только я и Тая. Никита и Женя, как раньше, дрались из-за игрушек, теща названивала каждые полчаса с требованием надеть на внучку шапочку, даже из поликлиники позвонили с просьбой привести Дашу на прививку. Мне казалось, что теперь уже я схожу с ума. — Он открыл глаза и посмотрел на Яну. — Я начал проверять. Все доказательства Дашиной смерти исчезли. Все, понимаете? Кроме одного.

— Надгробной таблички? — догадалась Яна.

Кремнев кивнул.

— Могила исчезла. Это было последнее место, куда я пришел искать доказательства того, что прав я, а не весь мир. И могилы не было! Я уже готов был смириться с собственным безумием, когда увидел крест и табличку. Не могу описать своих эмоций. С одной стороны — облегчение, я не сошел с ума, с другой — страх. Если все доказательства стерты, почему осталась табличка? Не могу сказать, что был так уж силен во всей этой аномальщине, но простая

логика подсказывала: это не просто так. Ничего не бывает просто так. Я пытался уничтожить ее, но каждый раз она появлялась заново. Не помню, сколько раз я пробовал, три, может, четыре.

— И демон потребовал расплату, — продолжила Яна. — Жизнь вашей жены?

Кремнев странно посмотрел на нее, и Яна вдруг поняла: все было совсем не так, как они с Никитой себе придумали. Демон потребовал расплату, но определенно не жизнь Таисии Кремневой в обмен на жизнь ее дочери. Почему-то показалось, что реальность была намного страшнее.

— Что произошло в ту ночь, когда погибла ваша жена, Андрей... — Яна осеклась, только сейчас сообщив, что не знает его отчества. Она и имя-то знает только благодаря тому, что первые полгода знакомства звала Никиту исключительно Никитой Андреевичем, поскольку тот был ее преподавателем в университете.

— Владимирович, — подсказал Кремнев, правильно поняв ее заминку. — И я готов рассказать вам, но при одном условии.

Его голос внезапно зазвучал иначе. Он все еще произносил слова медленно и тягуче, но тон стал уверенным, почти резким, словно перед Яной теперь сидел не старик, прошедший двадцать лет взаперти, а мужчина, готовящийся защищать свою семью.

— Каком?

— Дайте мне клятву, что Никита никогда не узнает того, что я вам скажу.

Теперь Яна испугалась по-настоящему. Испугалась правды, которую может узнать. И тем не менее она поклялась. По крайней мере, от нее Никита точ-

но ничего не узнает, какой бы она ни оказалась, эта правда. В ней говорило не любопытство, с любопытством Яна справилась бы. Но вдруг показалось, что именно ради этого Кремнев и пришел к ней среди ночи. Не для того, чтобы рассказать о Даше, о Даше они и так уже все знали. Он пришел, чтобы рассказать ей, что случилось той страшной ночью тридцатого ноября две тысячи первого года, когда на другом конце страны родилась она, Яна, а здесь, в этом городе, Никита вместе с братом и сестрой пережил самую страшную трагедию в жизни. У Яны было много предположений, но даже самая буйная ее фантазия не приближалась к истине. И она могла понять, почему Кремнев не хочет, чтобы Никита узнал правду. Понимала, но не была согласна. Тем не менее раз его отец столько лет хранил эту тайну, она не имела права ничего ему рассказывать.

Андрей Владимирович замолчал, впервые сказав вслух о том, что произошло той ночью, и Яна тоже молчала. Как отреагировать на такое? Какие слова подобрать? Впрочем, очень скоро выяснилось, что Кремневу и не нужна была ее реакция.

— Я рассказал вам это все лишь по одной причине, — продолжил он после небольшой паузы. — Чтобы вы поняли, какую опасность представляет демон. Что бы вы ни попросили у него, он возьмет гораздо больше. Он возьмет такую плату, о которой вы даже подумать не могли. Поэтому вы должны отдать мне украшения.

Яна могла бы сказать, что уже загадывала демону желание и пока он не взял с нее никакой платы, но промолчала. Кто знает, что может сделать человек в его положении? Человек, видевший обратную сто-

рону желаний и проведший двадцать лет взаперти. Яна не собиралась выяснять.

— Если я отдам вам украшения, демон меня убьет, — напомнила она. — Я видела, что происходит с теми, кто терял над ним власть.

— Загадайте какое-то простое желание и отдайте украшения мне, — быстро сказал Кремнев, и Яна поняла, что он уже давно обдумал это решение. — Я их спрячу так, что не найдет никто и никогда. И даже если после этого демон придет за мной, мне все равно. Я готов на это.

А вот Яна готова не была. Что скажет ей Никита, если узнает, что его отец погиб по ее вине? Что она трусливо избавилась от того, хозяйкой чего стала по собственной глупости? Переложила ответственность на другого человека, как маленький ребенок?

Андрей Владимирович словно прочитал ее мысли.

— Я знаю, о чем вы думаете, — тихо сказал он. — Но моя жизнь гораздо менее важна, чем ваша. Собственно, моя жизнь закончилась двадцать лет назад, и если кто-то и прервет бессмысленное существование, я не расстроюсь. Всем станет легче, особенно Никите. Ваша жизнь ему важнее моей. — То ли его слова были так убедительны, то ли Яна настолько сильно устала, что не могла сопротивляться, но она уже почти готова была сдаться.

— Куда делись украшения после того, как желание загадала ваша жена? — спросила она, чтобы потянуть время и разобраться в собственных чувствах.

— Я положил их в шкаф, — ответил Андрей Владимирович. — Не знал, что с ними делать, просто сунул подальше. А потом так замотался со всем этим, что и думать про них забыл. После того, как... все

случилось, в нашу квартиру приходила женщина. Моя соседка видела ее. Думаю, это была Ника. Она и забрала украшения обратно.

— Разве квартира не была опечатана?

— Не такое уж это и сложное дело для знающего человека, — пожал плечами Кремнев. — Отдайте мне украшения, не думайте. Так всем будет лучше.

— Их нет в этой квартире, — сдалась Яна. — Я храню их в доме отца.

— Тогда поехали.

— Сейчас? — Яна изумленно посмотрела на темноту за окном. Часы показывали второй час ночи, ни один автобус в это время уже не ходил.

— А вы хотите остаться ночевать в одной квартире с убийцей? — криво усмехнулся Кремнев, и Яна поняла, что этого уж точно не хочет. Пусть она теперь знает, что на самом деле произошло той ночью, но факт оставался фактом: Андрей Владимирович Кремнев убил свою жену. И Яна едва ли сможет уснуть, зная, что он находится в ее квартире.

Вызвав на экран телефона приложение со службой такси и убедившись, что денег у нее хватит, она вызвала машину. Пришлось немного схитрить и замаскироваться, чтобы дежурившие у подъезда полицейские ее не узнали. Яна не хотела сейчас никому ничего объяснять. Впрочем, похоже, охрана ждала лишь посетителя, который мог бы прийти к ней, и не думала, что Яна сама решит уйти, поэтому они с Кремневым спокойно сели в такси и уже спустя сорок минут то отвезло их в деревню, где находился домик отца Яны. Он с женой уехал на отдых, собирался вернуться на днях, поэтому и дом, и двор встретили их полной тишиной и темнотой. Яне пришлось под-

свечивать дорогу фонариком, поэтому она не сразу заметила на пороге у входной двери большую коробку. Только почти споткнувшись о нее, остановилась и разглядела. Коробка была картонной, в какой иногда продают торты и пирожные, перевязанная желтым бантом. Сердце гулко бухнулось о ребра, Яна сделала шаг назад. Сделала бы больше, но сзади стоял Кремнев, и отступить ей было некуда.

Полиция установила наблюдение за ее квартирой, и маг прислал подарок к дому отца, давая понять не только то, что знает его адрес, но и то, что Яне от него не скрыться.

* * *

Никита крайне редко пил крепкий алкоголь и уж точно никогда не напивался до такой степени, чтобы уснуть прямо в одежде на диване. Даже в юношестве, когда подросток из него был достаточно сложный. Несмотря на любовь к затворничеству, друзья у него имелись, но они, признавая его странноватость и зная его историю, никогда не настаивали на том, чтобы он пил наравне со всеми, и с пониманием относились к тому, что он рано уходит домой. Сам же Никита, даже еще не будучи опекуном младших брата и сестры, чувствовал за них ответственность и вел себя подобающе. С теткой, бывало, спорил, даже говорил такие вещи, о которых потом жалел, но по отношению к Жене и Даше всегда помнил, что является примером. Однако, когда на пороге его квартиры возникла Лера с бутылкой виски, он понял, что пришло наконец время напиться до беспамьтства. Разговор между ними состоялся тяжелый. Лера по привычке своей говорила все прямо и откровенно,

но ничего нового Никита не узнал. О влюбленности соседки он знал почти с самого начала. Это уже гораздо позже Лера отрастила язвительную броню, за которой ловко пряталась, а в восемнадцать была просто острой на язык, но юной девушкой. И Никита довольно легко читал ее. Для этого даже не надо было быть экстрасенсом, просто немного наблюдательным и эмпатичным. Однако Лера установила правила игры, и Никита принял ее право самой определять границы. Ему нечего было ей предложить, и он решил, что стоит просто следовать ее правилам. В глубине души он отчаянно боялся, что однажды Лера признается ему в своих чувствах, перебросит мяч на его сторону, и ему придется что-то с этим делать. Но Лера молчала, и со временем он успокоился. Лера и сейчас пришла к нему не просто с признанием, а с уже готовыми новыми правилами, ему опять не пришлось ничего решать. Она честно и открыто сказала ему о своей одиннадцатилетней любви, а он честно и открыто ответил, что давно о ней знает. Не встречаться они не могут, поскольку ни один из них не готов переезжать, но стоит прекратить такую тесную дружбу. Хотя бы на время. Время, достаточное для того, чтобы Лера могла разобраться в себе. Никита втайне подозревал, что, сколько бы она ни взяла себе этого времени, все равно будет мало, и эта бутылка виски, пожалуй, последняя, которую они выпьют вместе, сидя в его гостиной. Он не имел права возражать, поскольку никакого другого решения у него все равно не было, однако новость облегчения не принесла. Напротив, наложилась на и без того сложный период в жизни, и он не заметил, как выпил лишнего. Оставалось только надеяться, что, про-

валиваясь в глубокий сон, он успел поставить стакан на стол.

Телефонный звонок Никита услышал, но проснуться не смог. Только когда Лера начала довольно чувствительно пинать его в плечо, у него получилось выплыть из сна и открыть глаза. За окном все еще было темно, часы показывали начало третьего ночи. Лера не стала укрывать его пледом, и он замерз, не смотря на теплую летнюю погоду.

— Тебе звонят, Спящая царица! — Лера ткнула ему телефон в лицо.

— В два часа ночи? — хмуро проворчал Никита, сясь разглядеть имя звонившего, но очки он снял еще до того, как начал пить, а потому сфокусироваться никак не удавалось.

— Говорят, срочно.

Никита наконец принял более или менее вертикальное положение, приложил телефон к уху.

— Да. — Голос прозвучал сонно и хрипло, но а как еще он может звучать среди ночи?

— Никита, это Марина Васильевна Прохорова, — представился абонент, и сон как рукой сняло. Прохорова была главврачом клиники, где вот уже одиннадцать лет коротал свои дни отец Никиты. Дамой она была важной, по пустякам родственникам пациентов не звонила и с ними лишнего общения избегала. Пожалуй, Никита и сам встречался с ней всего два раза, все остальные вопросы всегда решались через секретаря или лечащего врача. Чтобы Прохорова позвонила лично, да еще в два часа ночи, должно было случиться что-то экстраординарное. Или очень плохое.

— Я вас слушаю, — уже совершенно нормальным голосом произнес Никита.

— Извините, что беспокою в такое время, но я решила, что вы должны узнать сразу. Ваш отец исчез.

Никита ожидал плохих новостей, но не думал, что они будут такими.

— Что значит — исчез? — переспросил он.

— В полночь охранник, как обычно, обходил территорию и обратил внимание, что окно в комнате вашего отца распахнуто, — принялась объяснять главврач. — Сначала он не придавал этому значения, в такую жару многие наши пациенты предпочитают спать с открытыми окнами, но затем он заметил сломанный куст роз у забора, осмотрел все тщательно и увидел следы, будто кто-то перелезал через него. Доложил дежурному врачу, тот сделал обход. Только вашего отца нет на месте. Очевидно, он... ушел.

Никита закрыл глаза, прижал к ним пальцы так сильно, что поплыли разноцветные круги. Сонливость отступила, и на смену ей пришла головная боль. После такого количества виски ему бы поспать часов десять...

Едва только ему исполнилось восемнадцать, он решил перевести отца из государственной психиатрической лечебницы в частную. Срок за убийство жены у него к тому времени уже вышел, и суд позволял это сделать. Против была только тетка, опекавшая детей все это время. Она считала, что убийце ее сестры место на рудниках Сибири, а никак не в лечебнице, да еще и комфортабельной, но Никита ничего не хотел слушать. Сам себе он говорил, что нахождение отца в частной клинике, а не обычной, больше похожей на тюрьму, позволит им чаще видеться и однажды он сможет выяснить, что же случилось той ночью, но в глубине души понимал, что

это не единственная причина. Впрочем, так глубоко он в себе не копался и истину на свет предпочитал не вытаскивать.

Клиника была дорогая и достаточно комфортная. Пациенты передвигались по зданию и территории беспрепятственно, решеток на окнах не было, чтобы не создавалось ощущения тюрьмы. Покинуть территорию самостоятельно все равно было нельзя, за порядком следили камеры и охрана. По крайней мере, до этой ночи Никита думал, что нельзя.

— А как же видеонаблюдение? — уточнил он.

Если дежурный врач обнаружил пропажу пациента около полуночи, а звонят ему в начале третьего, должно быть, клинику и территорию уже обыскали и записи посмотрели.

— На камерах видно, как ваш отец вылезает из окна, идет к забору и перелезает через него, — подтвердила Прохорова. — За пределами двора клиники камер нет. К сожалению, так получилось, что он использовал момент, когда охранник вышел на обход территории и за камерами не следил. Мы обязательно учтем этот момент на будущее, уверяю вас. — Только какой ему прок от этого в будущем?

— Мы уже вызвали остальных охранников, сейчас будем прочесывать территорию вокруг клиники, — заверила тем временем Прохорова.

— Хорошо, если будут результаты, звоните мне в любое время, — попросил Никита.

Среди ночи срываться из дома и лететь в клинику он не видел смысла. Искать отца будут специально обученные люди, чем он поможет? Внутренний голос подсказывал ему, что, если бы так исчезла, например, Яна, он заканчивал бы разговор с главврачом уже

сидя в такси, но отец — не Яна. За него он не беспокоится так сильно.

— Что случилось? — спросила Лера, когда он отключил звонок и бросил телефон на диван рядом с собой.

— Отец сбежал из клиники, представляешь? — Никита внезапно рассмеялся. — Кажется, спустя двадцать лет затворничества ему наконец это надоело.

Лера не разделяла его веселья, смотрела внимательно и встревоженно.

— Как думаешь, куда он мог направиться?

— Без малейшего представления. — Мы не были слишком близки.

Лера пропустила его язвительность мимо ушей.

— Что будешь делать?

— А что я могу? — развел руками Никита. — Ждать результатов поиска. Я еще пьян, чтобы куда-то ехать, так что буду ждать новостей тут.

— Мне остаться?

Ему очень хотелось, чтобы Лера осталась. Чтобы они продолжали болтать, и время за разговором текло бы быстро и незаметно. Потому что Никита мог сколько угодно язвить, но в глубине души понимал, что беспокоится за отца. Однако теперь он не имел права что-то просить у Леры. Тем более отменить ее решение свести их общение к минимуму. Теперь придется справляться одному.

— Не стоит. Ты все равно ничем помочь не сможешь.

На короткое мгновение ему показалось, что Лера не хочет уходить. Внутри подняла голову надежда, что она сама решит остаться, но уже в следующую секунду Лера поднялась с кресла и шагнула к двери.

— Если будут новости, ты мне сообщи, ладно? — только и попросила она.

— Конечно, — заверил Никита, стараясь скрыть разочарование. Нет у него больше права на это.

Лера ушла, аккуратно закрыв за собой дверь, но короткий щелчок дверного замка прозвучал для Никиты громче набата, возвестившего смерть целого мира, в котором он прожил долгих одиннадцать лет.

* * *

Картонная коробка, перевязанная желтым бантом, судя по всему, появилась на пороге совсем недавно. Прошлой ночью была сильная гроза, но на коробке не было ни следа влаги. Оно и логично, маг всегда присылал ей подарки уже после того, как они закончат расследование. А закончили они его несколько часов назад.

Яна огромным усилием воли заставила себя дышать медленно и глубоко, отступила от Андрея Владимировича, в которого уперлась спиной, испугавшись коробки. Какой смысл бояться? Подарки мага никогда не были ни опасными, ни пугающими. Первый раз он подарил ей торт, второй — мешочек для хранения украшений, третий — билеты в спа. Просто Яну испугал сам факт подарка. В какой-то момент она поверила, что на этот раз полиции удастся перехватить мага или его посыльного, и когда она поняла, что тот снова обвел всех вокруг пальца, не сдержалась.

Яна шагнула к коробке, присела на корточки. Бросила короткий взгляд на Андрея Владимировича. Тот стоял молча, не торопил ее, ничего не спрашивал и на коробку поглядывал не как на нечто любопытное, а как на препятствие, мешающее ему пройти

в дом и завладеть наконец украшениями демона. Яна не знала, как много ему рассказывал Никита, но, очевидно, подарки мага не упоминал.

Коробка оказалась довольно тяжелой. Яна легонько потрясла ее: внутри лежало что-то твердое, глухо бившееся о картонные стенки. Открыть упаковку на темном пороге не представлялось возможным, поэтому Яна отперла дверь, зажгла освещение в прихожей. Проходить далеко не стала, поставила коробку на комод и тут же принялась сражаться со скотчем, которым та была заклеена в нескольких местах. Возможно, было бы правильнее не трогать ее, вызвать полицию, но эта мысль пришла ей слишком поздно. Раз уж взяла в руки, какая теперь разница?

Скотч оторвался легко, желтый бант нетерпеливо упал на пол, и Яна, засомневавшись лишь на мгновение, открыла крышку.

Она ждала чего угодно, но только не этого. Черная, высохшая, будто искусственная, но совершенно точно настоящая человеческая рука заставила Яну отбросить от себя картонную крышку, зажмуриться и завизжать.

Сквозь собственный вопль она услышала чужой голос, мгновенно приведший ее в себя. Она не одна здесь, не стоит устраивать истерику. В конце концов, это всего лишь рука, не ядовитая змея, не бомба. Сердце все еще гулко билось в груди, причиняя боль, а голова слегка кружилась, но Яне удалось взять себя в руки. Она даже подошла ближе к коробке, осторожно заглянула внутрь, но трогать ничего не стала.

— Что это такое? — поинтересовался Андрей Владимирович, но без какого-либо ужаса или даже любопытства в голосе.

— Подарок, — выдавила из себя Яна.

Кремнев посмотрел на нее теперь с долей удивления, но она ничего не стала объяснять. Вместо этого вытащила телефон, даже не вспоминая о том, что пару часов назад поклялась себе не звонить лишний раз Никите. Сейчас был совершенно точно не лишний раз.

Трубку подняла не Лера, а он сам. И голос его звучал на удивление бодро, будто часы не показывали начало пятого утра.

— Что случилось? — спросил он, мгновенно понимая, что Яна не позвонила бы просто так глубокой ночью.

Яна тяжело сглотнула, пытаясь сделать так, чтобы в голосе не звучали истеричные нотки.

— Он снова прислал подарок, — коротко сказала она, уверенная, что Никита поймет все без лишних объяснений.

— Полиция его не задержала?

Яна мотнула головой, будто Никита мог ее видеть.

— Он прислал его не ко мне домой, а к папе, — пояснила она. — Я приехала, а коробка тут, на пороге, и это... не совсем обычный подарок. Это... человеческая рука.

Никита не стал спрашивать, каким образом она оказалась в доме отца в такое время. Не стал также задавать уточняющих вопросов о руке. Просто коротко пообещал приехать как можно быстрее.

Яна сбросила вызов, повернулась к Кремневу. Тот стоял на прежнем месте, не оглядываясь по сторонам, но и не обращая внимания на коробку. Казалось, мыслями он и вовсе был не здесь, ничего, кроме комплекта проклятых украшений, его не интересовало.

КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ

— Ваш сын скоро будет здесь, — сообщила Яна. — Я не сказала ему, что вы у меня. Если хотите, можете уйти.

Прошло не меньше десяти секунд, прежде чем Кремнев перевел на нее взгляд, и во взгляде этом не было ни испуга, ни осуждения.

— Что ж, — только и сказал он, — пожалуй, мне стоит его дождаться.

Очевидно, он понял, что Яне сейчас совсем не до украшений, и настаивать на том, чтобы она отдала их и он мог скрыться и не встречаться с сыном, бесполезно. Это на самом деле было так.

Глава 2

Возможно, Алексей Лосев был единственным в эту ночь, кто спал. Он так вымотался за последние дни, и морально, и физически, что, добравшись до кровати, рухнул на нее, даже не раздевшись, и тут же провалился в глубокий тревожный сон. Звонок Никиты он услышал не сразу, тот уже почти сбросил вызов, когда Леша наконец дотянулся до телефона и промычал в трубку что-то нечленораздельное. Он не сразу понял, что Никита от него хочет, какой подарок, какая рука и при чем тут Яна. И даже когда начал соображать, все равно не понимал, почему требуется его присутствие. Ведь за Яной установили слежку, ей вручили тревожную кнопку, мага должны поймать, если он решит прислать ей подарок. Так и не выяснив детали до конца, Леша пообещал заехать за Никитой через полчаса. Кстати, зачем ему заезжать за Никитой, ведь у того есть машина, он тоже не понял.

Кое-как добредя до ванной, Лосев наклонился над раковиной и долго умывался ледяной водой, пока глаза наконец не открылись полностью. Переодеваться не стал, но две чашки крепкого кофе все-таки выпил, стоя прямо возле кофемашины.

Улицы в половине пятого утра были совершенно пусты, только-только занимался рассвет, поэтому до дома Никиты Леша домчался быстро. Как и следовало предполагать, внизу у подъезда его ждал не только Кремнев, но и его соседка, а по совместительству и свояченица Лосева — Лера. Когда оба скользнули в салон, тот наполнился таким откровенным ароматом алкоголя, что Лосев не удержался от удивленного взгляда на обоих. Лера никогда не была противницей алкоголя, дома держала как легкое вино, так и крепкий коньяк, периодически дегустируя и то, и другое. Анята, жена Лосева и сестра Леры, порой бросала ей обвинения в том, что с таким образом жизни лет через десять ей придется лечиться от алкоголизма. А вот Никита удивил. Леша познакомился с Никитой, когда тому было около десяти лет. Именно тогда тетка забрала его вместе с младшими братом и сестрой к себе, в тот крохотный городок, где жила семья Лосева, и Никита пошел в один класс с его братом. Мальчишки подружились, Никита часто бывал дома у Лосевых, и с тех пор Леша так или иначе его знал. И никогда, ни разу не видел, чтобы Никита напивался.

— Что праздновали? — поинтересовался Лосев, когда оба закрыли за собой двери.

— Начало новой жизни, — как-то уж слишком мрачно ответила Лера. Никита не стал ничего добавлять, и Леше пришлось удовлетвориться таким ответом. Иногда ему казалось, что между этими двоими может что-то быть, но уж точно не сейчас. Лера встречается с коллегой, а для того, чтобы не понять, что Никите нравится его собственная студентка — Яна Васильева, надо быть совсем слепым. Поэтому

едва ли их совместная попойка выходила за рамки дружеской. Ну или Леша чего-то не знал.

— Едем к Янке? — спросил он, выезжая со двора.

— К ней, только не на квартиру, а в дом ее отца, — отозвался Никита. — Я покажу дорогу.

— Подарок прислали туда? — догадался Леша. — А этот маг умен! То ли понял, что за Яной будут следить, то ли даже увидел слезку и подарок все-таки прислал, но не туда, где его ждали. — Никита кивнул.

— Только не очень это похоже на подарок. Если верить Яне, в коробке лежит человеческая рука.

Леша тяжело сглотнул и покосился на Никиту.

— Чего-о?

— Я же тебе по телефону говорил.

— Да я не понял ничего!

— Я и сам ничего не понимаю, — признался Никита.

Дальше ехали молча, лишь когда выехали за город, Никита иногда подсказывал, куда поворачивать. Лера, похоже, задремала на заднем сиденье, Никита пялился в окно, да и Лосеву не хотелось разговаривать. Возможно, в какой-то момент он тоже задремал, потому что трасса была ровной, длинной, хорошо освещенной начинающимся рассветом, но он все равно не увидел, откуда на дорогу выбежала огромная черная собака. А следом за ней под колеса рванула и девушка, очевидно, хозяйка. Лосев встрепенулся, крепче ухватился за руль, сразу понимая, что затормозить не успеет. Крутанул руль влево, машину занесло, и через мгновение земля и небо закрутились, несколько раз поменялись местами, а потом канули в черноту. Что-то ударило Лешу в грудь, вышибая из легких весь воздух, и на этом мир выключили.

Очевидно, отключился он ненадолго, потому что, когда снова открыл глаза, Никита все еще был рядом с ним, вылезти не успел, но находился в сознании. Позади не стеснялась в выражениях Лера, давая понять, что тоже жива. Втроем они висели на ремнях безопасности вниз головой, а боксерским кулаком, ударившим Лосева в грудь, оказалась подушка безопасности.

— Какого хрена? — все еще требовала ответа Лера, и Леша наконец смог вдохнуть.

— Девушка, — почему-то шепотом сказал он, — на дорогу выбежала.

— За собакой, — добавил Никита.

Значит, Никита тоже ее видел, это не было сном. Что ж, уже легче, он чуть не угробил всех не потому, что ему что-то приснилось. Оставалось надеяться, что девушка тоже не пострадала. Удара он не слышал, но мир вокруг так вращался, что мог и не заметить.

Активно заработав руками, Леша сгреб подушку безопасности и отстегнул ремень. Не додумался и не успел вовремя подставить руки, а потому упал вниз, как мешок с картошкой. Прислушался к себе: вроде бы ничего сильно не болело, руки-ноги шевелились, что можно считать удачей после таких кувырков. Немного саднило правый бок, но это можно было перетерпеть. Рядом гораздо более аккуратно и изящнее выпутался из плена ремней и подушек Никита, оба вылезли из покореженного салона автомобиля наружу. Никита выглядел более потрепанным. Футболка на левом плече оказалась порвана, ниже на предплечье наливалась краснотой большая ссадина, темные волосы, всегда аккуратно причесанные, теперь были всклочены, сломанные очки висели на одном ухе и, похоже, доставляли Никите больше всего неудобств,

поскольку первым делом он снял их, недовольно поморщившись.

— Мне поможет кто-нибудь, джентльмены? — язвительно поинтересовалась изнутри Лера. Она тоже выглядела более или менее целой, только большой кровоподтек на скуле портил картину.

Ее ремень заклинило, пришлось искать в багажнике ящик с инструментами и перерезать. Судя по общему виду машины, такая деталь, как перерезанный ремень, ей уже не помешает. Впрочем, за машину Лосев переживал меньше всего. Гораздо больше его интересовала девушка, из-за которой все и произошло.

Убедившись, что руки и ноги у Леры целы, он оставил ее и Никиту внизу, а сам взлетел на дорогу. Солнце еще не показалось из-за верхушек деревьев, но было уже совсем светло, дорога в обе стороны хорошо просматривалась, и никаких следов незнакомки Леша не увидел.

— Ну и где твоя дама с собачкой? — поинтересовалась Лера, тоже поднимаясь на дорогу.

Никита лез за ней, беспомощно крутя в руках сломанные очки. Зрение у него было не таким уж плохим, поэтому поломка не должна была стать проблемой, если не сажать его за руль. А с этим и без очков были бы определенные проблемы, Лосев еще помнил аромат алкоголя, которым обдали его друзья, забравшись в салон. Правда, теперь оба выглядели трезвее его самого.

— А ты бы предпочла, чтобы она лежала на дороге? — не удержался от сарказма Леша, бросив на Леру взгляд.

Та ничего не ответила, вышла на дорогу, разглядывая следы от шин, оставленные их автомобилем.

Тем не менее отсутствие девушки тревожило и Лешу. Что, если ее отбросило в кювет?

Втроем они обыскали обе обочины: и ту, где теперь лежала разбитая машина, и противоположную, но никаких следов незнакомки с собакой не нашли. Не отозвалась она и на их голоса.

— А я бы на ее месте тоже спряталась и тихонько свалила, — философски заметила Лера, потирая ушибленную скулу, когда они снова собрались возле разбитой машины. — Устроила ДТП — беги, пока не поймали.

Лосев покосился на нее, вытащил из кармана пачку сигарет, прикурил. Лера тут же потребовала одну себе. Она курила крайне редко, поэтому своих сигарет не имела, но в данной ситуации Леша даже не стал подначивать ее, просто протянул одну. Никита, как обычно, безглаголиво отошел в сторону.

Определенный смысл в словах Леры был. Девушка действительно могла испугаться того, что разозленный водитель заставит ее оплачивать ремонт машины или того хуже: на эмоциях и ударить может, и предусмотрительно сбежала. Некрасиво, конечно, особенно не убедиться, что люди в машине остались живы, предложить помощь или хотя бы вызвать спасателей, но вполне объяснимо.

— Что ж, — Леша затаился, выпустил в пахнувший росой и ранним утром воздух сизую струйку, — в таком случае остается только порадоваться за девицу: жива осталась. Думаю, вам придется отправляться к Яне другим способом, а я останусь ждать эвакуатор и оформлять ДТП.

— Я вызову такси, — вздохнул Никита, вытаскивая из кармана телефон.

* * *

Спустя десять минут после звонка Никите Яна могла себе признаться, что присутствие в ее доме Кремнева-старшего как нельзя кстати. Если бы не он, она бы, возможно, выскочила из дома и не рискнула заходить в него до тех пор, пока не приедет следственная группа. А то и вовсе могла бы разрыдаться. Некрасиво, конечно, и чести ей не делает, но, когда ты находишь у себя дома настоящую человеческую руку, какое тебе дело до чести?

Присутствие Андрея Владимировича сдерживало ее, и даже легче было напоминать себе, что вообще-то через несколько лет Яна собирается стать следователем. И пусть не все следователи обладают хладнокровием и выдержкой, Лера как-то по секрету говорила ей, что половина знакомых ей следаков всегда на место преступления первой запускает ее, а то и вовсе заходит только когда, когда труп уже увезут, но Яна-то совершенно точно не собиралась примыкать к этой половине!

Кремнев не требовал, чтобы Яна развлекала его беседой, и, похоже, совсем забыл, зачем вообще они сюда приехали. По крайней мере, не просил показать или отдать ему украшения. Просто молча вышел на террасу, уселся на скамейку в тени раскидистого куста сирени и уставился в одну точку. Яна тоже вышла на улицу, не в силах оставаться в доме, но спустилась с террасы вниз, присела за краешек одного из двух шезлонгов. Небо уже начало светлеть, воздух наполнился одуряющим ароматом Элизиных роз, и этот запах и тишина, робко прерываемая пением просыпающихся птиц, успокаивали ее. Прошло не меньше часа, прежде чем вдали послышался звук

автомобиля. Папа и Элиза купили дом в небольшой деревне, но на самом ее краю, практически на хуторе. До ближайшего дома было около трехсот метров, заросших деревьями, поэтому Яна не могла ошибиться: ехали к ней. Но, к ее удивлению, это был не Никита и даже не Алексей Лосев, а следователь Петр Михайлович Воронов. Яна знала, что он тоже приедет, но не ожидала, что будет первым.

Припарковавшись у ворот, он вышел наружу, как всегда мрачный и будто бы чем-то недовольный, а за ним показался еще один мужчина, которого Яна никогда раньше не видела, но по чемоданчику в руках опознала криминалиста. И снова испытала укол совести за то, что так беспардонно забрала коробку с порога, открыла ее. Сейчас Воронов прочитает ей лекцию о том, что такое поведение совершенно недопустимо для будущего следователя, и ей даже нечего будет на это возразить, потому что действительно недопустимо. Однако Воронов ничего говорить не стал. Молча пожал руку Кремневу, очевидно, приняв того за отца Яны, иначе наверняка отреагировал бы не так спокойно (Никита как-то говорил ей, что следователь и его отец были знакомы, но слишком много лет с тех пор прошло), буркнул приветствие Яне, а затем велел:

— Показывайте.

Яна распахнула дверь в дом и отошла в сторону, пропуская следователя и криминалиста внутрь.

— Я коробку на пороге нашла, — призналась она, не дожидаясь, когда Воронов спросит. Тот шагнул в прихожую, посмотрел на коробку, а затем на Яну, как бы спрашивая: она? Яна кивнула. Вместо Воронова к коробке подошел криминалист. Поставил на

пол чемоданчик, вытащил оттуда перчатки, натянул на ладони и только после этого открыл крышку. Воронов тут же заглянул внутрь, поморщился.

— В самом деле, рука, — пробормотал он. — Не фальшивка?

— Не похоже, — покачал головой криминалист. — Но судмед лучше скажет.

Воронов выругался сквозь зубы, вытащил из кармана пачку сигарет, покрутил ее в руках и спрятал обратно, курить в чужом доме не посчитал возможным. На улице снова послышался звук автомобильного двигателя и шуршание колес по гравию. Наверняка это Никита. Яна вышла из дома, хотя велик был соблазн остаться внутри и тем самым избежать встречи с ним наедине. Ей было мучительно стыдно за то, что произошло всего несколько часов назад. Стыдно даже не перед ним, а словно перед самой собой вместо него. Будто это она обнажила перед ним сердце, а он ее отверг. Но именно такое впечатление у нее сложилось после того, как она позвонила ему, а на звонок ответила Лера. Это было нелогичное чувство, ведь она сама сказала ему, что они не могут быть вместе, поскольку Лера любит его одиннадцать лет, сама толкнула его к ней, но... Но она не ожидала, что сразу после этого трубку его телефона поднимет Лера. Не ожидала, что толкает сразу в постель.

К ее удивлению, за воротами стояло такси, из которого как раз выбирались Лера и Никита, и оба выглядели... помятыми, что ли, побитыми. Сердце екнуло в нехорошем предчувствии, когда она увидела порванную на плече футболку Никиты, разбитые очки в его руках, синяк на лице Леры. Вкупе с такси это